R 446
1570

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
6038-70

О преступленіи скотоложства по уложенію о наказаніяхъ.

§ I.

Въ уложеніи о наказаніяхъ, изданія 1866 года, нынѣ дѣйствующемъ, и прежнихъ изданій, 1845 и 1857 годовъ, равно какъ и въ сводѣ законовъ уголовныхъ, изданій 1832 и 1842 годовъ, книги первой, дѣйствовавшей до уложенія 1845 года, признаки преступленія скотоложства обстоятельно не опредѣлены. Опредѣленіе, хотя не совсѣмъ точное, встрѣчается однако въ прежнихъ уставахъ, воинскомъ 1716 года, и морскомъ 1720 года, вышедшихъ въ царствованіе государя, царя и великаго князя, Петра Алексѣевича; на основаніи этихъ уставовъ, подъ преступленіемъ скотоложства, разумѣется тотъ случай, «ежели смѣшается человѣкъ со скотомъ и безумною тварію, и учинитъ скверность». Изъ уложенія же о наказаніяхъ и свода законовъ уголовныхъ видно только: а) что, по уложенію, скотоложство составляетъ одно изъ преступленій противъ общественнаго благоустройства и благочинія, и отнесено въ частности къ разряду преступленій противъ общественной нравственности; б) что по своду, скотоложство отнесено къ числу преступленій, противъ законнаго удовлетворенія плотскихъ страстей, и в) что въ уложеніи, скотоложство именуется противоестественнымъ порокомъ, тогда какъ въ сводѣ, предшествовавшемъ уложенію, таковаго выраженія вовсе не встрѣчается. Здѣсь неизлишнимъ будетъ замѣтить, во первыхъ, что въ нѣкоторыхъ прежнихъ, царствованія Государыни Императрицы Екатерины II, указахъ, которые

2007059730

въ числѣ другихъ, были приняты, какъ это видно изъ приведенныхъ подъ статьями цитатъ, въ руководство при составленіи свода законовъ уголовныхъ, скотоложство именуется, прегрѣшеніемъ, важнымъ грѣхопаденіемъ, ненатуральнымъ порокомъ, неимовѣрнымъ преступленіемъ и наконецъ, дѣяніемъ *превышающимъ почти всякій родъ безумія*, а обличенные въ скотоложствѣ, именуются злосчастными людьми, и во вторыхъ, что подъ порокомъ скотоложства, по разъясненію правительствующаго сената уголовнаго кассаціоннаго департамента, надобно понимать не только обратившуюся въ привычку наклонность къ повторенію сего преступленія, но и единичный случай совершенія онаго.

Нѣтъ конечно сомнѣнія, что предающійся пороку скотоложства, поступаетъ совершенно противоестественно, но тутъ невольно возникаютъ вопросы, не указываетъ ли, въ семъ случаѣ самая противоестественность образа дѣйствія, на извращеніе (искаженіе) нравственнаго чувства, а извращеніе нравственнаго чувства, въ свою очередь, не свидѣтельствуетъ ли о большей или меньшей степени умственнаго разстройства, каковые вопросы, на основаніи ученія психіатріи, не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ утвердительно, ибо наукою сею, признано, что помѣшательство и другія формы болѣзней мозга, часто проявляются въ первое время въ видѣ извращенія, искаженія нравственнаго чувства, что за нѣкоторое время, до развитія разстройства умственныхъ способностей, или болѣзни мозга, больные противъ обыкновенія, чрезмѣрно предаются грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, обнаруживаютъ нравственное паденіе, ослабленную волю, совершаютъ неблагопристойные поступки въ частной жизни и въ обществѣ, становятся развратными и скотски невоздержными, и что, посему, можно считать за общее правило, что умопомѣшательство, какого бы вида оно нибыло, обыкновенно обнаруживается замѣтнымъ извращеніемъ прежняго здраваго образа мыслей и рода дѣйствій человѣка. На основаніи сего, является уже большая вѣроятность, что всякій предающійся противоестественному пороку скотоложства, дѣйствуетъ не съ надлежащимъ разумѣніемъ, а такъ какъ отсутствіе надлежащаго разумѣнія, составляетъ по уложенію о наказаніяхъ одну изъ законныхъ причинъ невмѣняемости, то изъ сего, само собою слѣдуетъ, что всякій обличенный въ скотоложствѣ, подлежитъ освидѣтельствованію въ состояніи его умственныхъ способностей, дабы удостовѣриться, не представляется ли, по причинѣ

умственнаго разстройства обличеннаго въ скотоложствѣ, законнаго основанія, къ прекращенію возбужденнаго противъ него уголовнаго преслѣдованія. Сознаніе, что предающійся противоестественному пороку скотоложства, предается оному подъ вліяніемъ умственнаго разстройства, проникаетъ повидимому уже и въ среду общества, на что, до нѣкоторой степени, указываетъ дѣло о скотоложствѣ, разсматривавшееся въ костромскомъ окружномъ судѣ, по которому, присяжные засѣдатели на вопросъ о виновности, отвѣчали: «виновенъ, заслуживаетъ большаго снисхожденія, признаемъ не въ полномъ разумѣніи".

Послѣ приведенныхъ соображеній, нельзя не признать, что уложеніемъ въ составъ преступленія скотоложства, введенъ такой признакъ,—*понятіе о противоестественности*, который самъ въ себѣ уже содержитъ, если не всегда, то покрайней мѣрѣ, въ наибольшей части случаевъ, основаніе къ признанію скотоложства невмѣняемымъ, а безъ наличности необходимыхъ условій вмѣняемости, понятно никакое дѣяніе не можетъ быть признаваемо преступленіемъ, понятіе о противоестественности, очевидно, исключаетъ, вообще говоря, понятіе о преступленіи и вноситъ, слѣдовательно, въ самый текстъ закона о скотоложствѣ одно только совершенно неумѣстное противорѣчіе.

Нужно замѣтить, что и тѣ случаи скотоложства, гдѣ умственное разстройство обличеннаго въ этомъ преступленіи, можетъ быть признано недоказаннымъ, не могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ случаи, которые порождаются, или крайнимъ и грубымъ невѣжествомъ, или положительною невозможностію, при нѣкоторыхъ, въ дѣйствительности бывающихъ обстановкахъ, за совершеннымъ отсутствіемъ лицъ другаго пола, обратиться къ естественному способу удовлетворенія плотской страсти, но и указанные случаи, оба, какъ это съ большою очевидностію явствуетъ, содержатъ въ себѣ, по справедливости говоря, весьма уважительное основаніе, къ признанію, и съ этой стороны, скотоложства невмѣняемымъ, причемъ къ послѣднему случаю, въ особенности, можетъ быть безъ всякаго неудобства примѣнено ученіе о принужденіи отъ превосходящей, неопредолимой, внутренней силы, каковое принужденіе составляетъ также одну изъ законныхъ причинъ невмѣняемости. Итакъ, всего досихъ поръ сказаннаго, кажется, уже достаточно, чтобы признать, всю несостоятельность закона о скотоложствѣ, покрайней мѣрѣ, въ

томъ видѣ, какъ этотъ законъ, изображенъ въ уложеніи о наказаніяхъ.

Съ другой стороны понятно что если законъ о скотоложствѣ существуетъ, то онъ если нѣтъ въ наличности законныхъ причинъ невмѣняемости, не долженъ оставаться безъ дѣйствія, но и то лишь при слѣдующемъ условіи. Прежде чѣмъ привлекать обличеннаго въ скотоложствѣ къ уголовной отвѣтственности, необходимо еще привесть въ точную извѣстность, какъ было совершено скотоложство, завѣдомо ли публично, или непублично, такъ какъ уголовное преслѣдованіе за скотоложство собственно говоря, должно обусловливаться публичностію проявленія онаго по волѣ самаго обвиняемаго. Хотя этаго прямо и не сказано въ уложеніи, тѣмъ не менѣе, къ такому заключенію, приводитъ безспорно то соображеніе, что уложеніе поставило скотоложство въ разрядъ преступленій, совершаемыхъ съ намѣреніемъ противъ общественной нравственности. Да иначе заключенія изъ сего и сдѣлать невозможно, ибо если допустить, что кто либо, въ здравомъ разсудкѣ, и вообще при отсутствіи законныхъ причинъ невмѣняемости, не стыдясь, при всѣхъ злонамѣренно слѣдовательно предается пороку скотоложства, тотъ безстыднымъ своимъ поступкомъ сознательно производитъ общій соблазнъ, и тѣмъ безъ сомнѣнія, обнаруживаетъ посягательство на неприкосновенность и чистоту общественной нравственности за что и долженъ нести предъ закономъ отвѣтственность и такой выводъ, въ виду того что намѣреніе, воля и злоумышленность, суть во всякомъ случаѣ необходимыя условія преступленія нельзя не признать правильнымъ. Но кто предается пороку скотоложства, таясь отъ другихъ, что бываетъ всего чаще и обличается въ этомъ порокѣ лишь случайно, чему ниже будетъ приведенъ изъ судебной практики примѣръ, тотъ тѣмъ самымъ, то есть тайнымъ образомъ дѣйствія, напротивъ обнаруживаетъ ясно нежеланіе свое оскорблять постороннее, чье либо нравственное чувство, и нисколько, на самомъ дѣлѣ, не оскорбляетъ его, причиняя своимъ безнравственнымъ, унижающимъ человѣческое достойнство поступкомъ, вредъ нравственный, а быть можетъ и физическій, единственно себѣ, и тому слѣдовательно, хотя бы и находящемуся вообще въ состояніи вмѣняемости, нести предъ закономъ отвѣтственность, незачто. Послѣднее соображеніе, представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что въ предающемся втайнѣ пороку скотоложства

не усматривается никакой злоумышленности, а отсутствіе злоумышленности, вообще, мѣшаетъ дѣянію считаться преступленіемъ. Кромѣ того надобно замѣтить, что предающійся противоестественному пороку скотоложства непублично, какъ посягающій исключительно на неприкосновенность своего единичнаго блага, является отвѣтственнымъ только предъ самимъ собою, предъ собственною своею совѣстію, но вопросъ о такого рода отвѣтственности, стоитъ очевидно, и всегда долженъ стоять, внѣ области права. Отсюда, само собою слѣдуетъ, что если уголовное преслѣдованіе за скотоложство уже начато, а между тѣтъ, предварительнымъ слѣдствіемъ, не будетъ обнаружено завѣдомой публичности, то начатое такимъ образомъ уголовное преслѣдованіе, должно быть прекращено, въ виду уже одной неполноты состава преступленія, хотя бы въ наличности небыло ни одной изъ общихъ законныхъ причинъ невмѣняемости. Нѣкоторые юристы впрочемъ держатся инаго мнѣнія. Сказанное о наказуемоети скотоложства, единственно при публичномъ проявленіи онаго, можетъ быть еще отчасти пояснено слѣдующимъ примѣромъ. Въ законѣ установлена отвѣтственность для лицъ, посѣщающихъ непотребныхъ женщинъ, тѣмъ не менѣе, не всякій посѣщающій непотребныхъ женщинъ подвергается за сіе установленной въ законѣ отвѣтственности, но только тотъ, кто ихъ посѣщаетъ явнымъ и соблазнительнымъ образомъ.

(Улож. о Нак. разд. 8, гл. 4: статьи. изд. 1866 г. 997, изд. 1845 г. 1295, изд. 1857 г. 1350, проектъ улож. о нак. внесен. въ 1844 г. въ Государ. Совѣтъ, изд. 1871 г. ст. 1253, 1254, 1255. Сводъ зак. уголовн. разд. 9 гл. 4: статьи: изд. 1832 г. 678 и ея цитаты, изд. 1842 г. 791 и ея цитаты. Полн. собран. законовъ: воинск. уст. 30 марта 1716 г. № 3006, артик. 165, Морск. уст. 13 янв. 1720 г. № 3485. кн. 5, гл. 16, ст. 118, указы, 19 февр. 1785 г. № 16154, 8 янв. 1786 г. № 16308. Рѣш. уголовн. Касс. Депар. Пр. Сената 1872 г. № 1362, по дѣлу Кастерина. судеб. медиц. Бюхнера изд. Медиц. Депар. 1870 г. стр. 110 § 146. Болѣзни мозга и души, Винслова, перев. съ анг. изд. 1870 г. стр. 246, 527. Улож. о Нак. изд. 1866 г. ст. 92 п. 3 и 5, ст. 95—97, 100. Уст. уголовн. судопр. ст. 277, 353—356. Курсъ русск. уголовн. права Таганцева, изд. 1874 г. стр. 1—5, 177—180. Курсъ русск. уголовн. права Лохвицкаго, изд. 1867 г. стр. 443. Юридическ. догматика Капустина, общ. ч. вып. 1, изд. 1868 г. стр. 52—77. Уголовное право Англіи, сочин. Джемса Стифена, перев.

Спасовича изд. 1865 г. стр. 97—125, XIV т. св. зак. уст. о предупр. и пресѣч. преступ. изд. 1857 г. ст. 248. уст. о нак. налагаем. миров. судьями ст. 44. рѣш. уголовн. касс. департ. прав. сената 1869 г. № 1010 по дѣлу Андреева).

§ II.

Изобличенные въ противоестественномъ порокѣ скотоложства подвергаются на основаніи нынѣ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, изданія 1866 года, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, а если они христіане, то предаются и церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства. Тому жъ наказанію подвергались и по уложенію изданій 1845 и 1857 годовъ, изобличенные въ противоестественномъ порокѣ скотоложства съ тою лишь разницею, что изъ нихъ не изъятые отъ тѣлеснаго наказанія, наказывались еще чрезъ палачей плетьми, нынѣ уже отмѣненными, отъ 20 до 30 ударовъ. До уложенія, при дѣйствіи свода законовъ уголовныхъ изданій 1832 и 1842 годовъ, книги первой, уличенные въ преступленіи скотоложства, подлежали также лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію плетьми и ссылкѣ на поселеніе, но, на что надлежитъ обратить вниманіе, безъ преданія церковному покаянію, а по прежнимъ уставамъ, воинскому 1716 года и морскому 1720 года, виновныхъ въ скотоложствѣ, велѣно было жестоко на тѣлѣ наказывать. А такъ какъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, есть одно изъ наказаній уголовныхъ, съ которымъ соединяется, между прочимъ, потеря прежнихъ правъ семейственныхъ и правъ собственности, и въ виду того, что осужденные за скотоложство, при исполненіи надъ ними судебнаго приговора, какъ приговариваемые къ уголовному наказанію, взводятся на общемъ основаніи на эшафотъ, гдѣ и выставляются на нѣсколько времени къ позорному черному столбу, то такое наказаніе можетъ быть, по справедливости, названо *гражданскою смертью*. Надобно ктомужъ замѣтить, что лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, опредѣляется въ уложеніи не за одно только скотоложство, но и за многіе другіе роды преступленій, такъ, кромѣ раздѣла о преступленіяхъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія, въ каковомъ раздѣлѣ помѣщена и статья о

скотоложствѣ, означенное наказаніе встрѣчается еще въ раздѣлахъ: о преступленіяхъ противъ вѣры, о преступленіяхъ государственныхъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, о преступленіяхъ по службѣ, о преступленіяхъ противъ имущества и доходовъ казны, о преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ, о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ и о преступленіяхъ противъ собственности частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ оказывается, что уложеніе ставитъ скотоложство въ разрядъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій; объяснено это, можетъ быть, отчасти, тѣмъ, что составители Уложенія, на противоестественность въ преступленіи скотоложства, ошибочно смотрѣли, какъ на обстоятельство, особо отягчающее свойство этого преступленія, и надобно поэтому полагать, что они съ понятіемъ о противоестественности, встрѣчающимся въ первый разъ въ текстѣ закона, въ уложеніи 1845 года, въ противоположность взгляду въ психіатріи на этотъ предметъ существующему, не соединяли вовсе понятія о признакѣ или предвѣстникѣ какого либо умственнаго разстройства, иначе составители уложенія, не рѣшились бы возвести скотоложство на степень тяжкаго уголовнаго преступленія, а соотвѣтственно тяжести преступленія, нужно было уже установить, въ силу одной послѣдовательности, и наказаніе тяжкое. Кромѣ того, при установленіи за скотоложство тяжкаго уголовнаго наказанія, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду сколько возбудить къ скотоложству въ средѣ общества омерзеніе, столько и *устрашить*, и тѣмъ по возможности, предотвратить совершеніе этаго преступленія; но страхомъ грозящаго, хотя бы и тяжкаго уголовнаго наказанія, едва ли возможно удержать отъ скотоложства, такъ какъ это преступленіе въ особенности, совершается почти всегда, какъ выше было достаточно объяснено, въ такомъ психическомъ состояніи, которое мѣшаетъ покушающемуся на скотоложство, понять отчетливо преступное свойство и послѣдствія своего дѣянія, въ виду сего, наказаніе за скотоложство, какъ бы оно нибыло устрашительно, не достигнетъ въ наибольшей части случаевъ своей цѣли. Изъ сего слѣдуетъ, что обличенныхъ въ скотоложствѣ, нужно, собственно говоря, или лѣчить, или поставить въ такое положеніе, чтобы они могли сами уяснить себѣ всю гнусность преступленія скотоложства, и по своему собственному побужденію воздержаться дальнѣйше отъ

совершенія онаго, чего, само собою разумѣется, нельзя достигнуть иначе, какъ путемъ просвѣщенія, то и другое однако, не есть дѣло уголовнаго суда, на то существуютъ лѣчебницы и для лицъ въ извѣстномъ возрастѣ школы.

Какъ бы то нибыло, но что существующее нынѣ за скотоложство наказаніе, во всякомъ случаѣ чрезмѣрно строго, того никто конечно не станетъ отрицать; правда, въ древнія времена скотоложство наказывалось еще строже, такъ напримѣръ, на основаніи закона Моисея, виновному въ скотоложствѣ отсѣкали голову, а тѣло его сжигали въ срубѣ, и надобно полагать, что этотъ Моисеевъ законъ, оставался не безъ вліянія, хотя и отдаленнаго и на наши законы о скотоложствѣ, о таковомъ вліяніи закона Моисея, говорится даже прямо, въ указѣ Государыни Императрицы Екатерины II-й, отъ 8 января 1786 года за № 16.308, къ томужъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ составъ уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 года, которое легло въ основаніе свода законовъ уголовныхъ, вошли между прочимъ правила святыхъ Апостоловъ и святыхъ отцевъ. Впрочемъ необходимость смягченія закона о скотоложствѣ сознавалась еще въ прошедшемъ столѣтіи, въ царствованіе Государыни Императрицы Екатерины II-й, но возбужденный, по этому предмету общій вопросъ, былъ разрѣшенъ тогда не въ пользу смягченія, каковое обстоятельство, по всей вѣроятности, и было причиною того, что прежній Моисеевскій взглядъ на скотоложство удержанъ затѣмъ, хотя и не во всей онаго строгости и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ, тѣмъ не менѣе, соображенія, по которымъ смягченіе наказанія за скотоложство въ то время признавалось необходимымъ, въ высшей степени интересны и поучительны, съ чѣмъ всякій конечно согласится, прочитавъ послѣдовавшіе по этому предмету указы которые ниже будутъ приведены въ полномъ почти объемѣ и съ сохраненіемъ даже редакціи ихъ.

Говоря вообще о наказаніи за скотоложство, невозможно пройти молчаніемъ въ частности и присоединяемаго къ сему наказанію церковнаго покаянія, коему виновные въ скотоложствѣ, *принудительно* предаются,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, что покаяніе состоитъ, въ свободномъ, искреннемъ, не лицемѣрномъ сознаніи кающимся вины своей, а такого сознанія, очевидно нельзя возбудить и вызвать въ кающемся тамъ, гдѣ его къ покаянію обязываютъ, принуждаютъ, приневоливаютъ, и

въ особенности тогда, когда онъ, за содѣянное, уже понесъ тяжкое уголовное наказаніе, и тѣмъ, быть можетъ, какъ напримѣръ въ былое время послѣ плетей вполнѣ съ совѣстію своею примирился, а изъ сего, само собою явствуетъ, что церковное покаяніе, коему по уложенію предаются виновные въ скотоложствѣ, *какъ покаяніе принудительное*, и способное, слѣдовательно, возбудить и вызвать въ кающемся одно лицемѣріе, не можетъ имѣть надлежащаго значенія, и подлежитъ, во всякомъ случаѣ, исключенію изъ той статьи уложенія, которая предусматриваетъ преступленіе скотоложства, если только эта статья будетъ еще, и въ послѣдующее время, удержана въ уложеніи. Въ этомъ отношеніи, надобно отдать справедливость составителямъ свода законовъ уголовныхъ: они не установили, какъ выше замѣчено, для виновныхъ въ скотоложствѣ церковнаго покаянія, и поступили совершенно послѣдовательно, съ чѣмъ въ особенности, нельзя не согласиться, если принять во вниманіе, что съ понятіемъ о церковномъ покаяніи, неизбѣжно соединяется представленіе исключительно о грѣхѣ, въ собственномъ, тѣсномъ, такъ сказать, духовномъ смыслѣ слова, а вовсе не понятіе о преступленіи, которое всегда уже, достаточно, иногда же и съ избыткомъ, искупается наказаніемъ. Сверхъ того, нужно еще принять въ соображеніе, съ одной стороны, что *принудительное* сознаніе осужденнымъ своей вины хотя бы и подъ вліяніемъ священническаго увѣщанія, нисколько не вызывается требованіемъ правосудія, и вообще противно духу судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, на основаніи которыхъ воспрещается какими бы то нибыло способами, домогаться сознанія обвиняемаго, и даже самое молчаніе обвиняемаго, не велѣно принимать за признаніе имъ своей вины; а съ другой стороны, что существуетъ общій законъ, по силѣ котораго, всякій православный долженъ, хотя однажды въ годъ, исповѣдываться и пріобщаться святыхъ таинъ, по обряду христіанскому, въ постъ или иное время, что при существованіи сего закона, всякій совершившій скотоложство, имѣетъ полную возможность, во всякое время, исполняя священный долгъ свой, самъ добровольно покаяться въ своемъ преступленіи, если къ тому будетъ его побуждать голосъ совѣсти, и что назначеніе за симъ еще особаго спеціальнаго, принудительнаго покаянія, по окончаніи суда уголовнаго, и съ этой точки зрѣнія, представляется совершенно излишнимъ.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР

Все сказанное о существующемъ нынѣ наказаніи за скотоложство, указываетъ также на несостоятельность закона о скотоложствѣ, изображеннаго въ уложеніи, въ существѣ же, на преступленіе скотоложства, если конечно не руководствоваться, не такъ какъ это доселѣ было, древнимъ, уже отжившимъ закономъ Моисея, нельзя смотрѣть иначе, какъ на обыкновенное публичное безстыдное дѣйствіе, а не руководствоваться въ семъ случаѣ закономъ Моисея, представляется теперь, тѣмъ болѣе возможнымъ, что публичныя безстыдныя дѣйствія, уже предусмотрѣны въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Въ 43-й статьѣ сего устава сказано, что за безстыдныя, или соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ, виновные подвергаются аресту, не свыше однаго мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей. Изъ сего слѣдуетъ, что при существованіи въ уставѣ о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, такой статьи, какъ только что приведенная, и въ виду того, что въ скотоложствѣ, и то при условіи публичности проявленія онаго, усматривается, какъ сейчасъ замѣчено, одно безстыдство, съ соблазномъ для другихъ соединенное, и ничего больше, не представляется уже основанія къ дальнѣйшему удержанію въ уложеніи, преступленія скотоложства, которое, можетъ быть, безъ всякаго неудобства, подведено подъ дѣйствіе 43 статьи Устава о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, особенно, если принять во вниманіе, что публичныя безстыдныя дѣйствія, по сему уставу, отнесены, подобно преступленію скотоложства въ уложеніи къ числу проступковъ противъ общественнаго благочинія, порядка и спокойствія. Относительно возможности примѣненія означенной 43 статьи, къ случаямъ скотоложства, необходимо еще замѣтить: а) что въ 1871 году, былъ изданъ законъ которымъ опредѣлено наказаніе за причиненіе домашнимъ животнымъ напрасныхъ мученій, къ числу которыхъ можно, по аналогіи, отнести и случай скотоложства; б) что законъ этотъ, введенъ въ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и помѣщенъ въ семъ уставѣ, на что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, въ видѣ дополненія именно къ той же 43 статьѣ, и в) что если за симъ, принять въ соображеніе, что въ первоначальномъ, основномъ текстѣ статьи 43-й говорится о публичномъ проявленіи безстыдства, а въ дополненіи, о причиненіи домашнимъ животнымъ напрасныхъ мученій, къ числу которыхъ

нѣтъ основанія не отнести, по аналогіи, и случая скотоложства, то при такомъ взаимномъ сихъ двухъ законоположеній, сопоставленіи, возможность примѣненія статьи 43 устава о Наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, къ случаямъ скотоложства, представится еще очевиднѣе. Затѣмъ, для большей ясности: нелишнимъ будетъ здѣсь, прибѣгнуть къ слѣдующему сравненію, извѣстно, что кромѣ порока скотоложства, и равно противоестественнаго порока мужеложства, также въ уложеніи предусмотрѣннаго, существуетъ еще противоестественный порокъ онанизма, (рукоблудія) который, по всей справедливости, можетъ быть названъ бичемъ человѣчества, и за проявленія котораго, тѣмъ не менѣе, въ уложеніи, не установлено наказанія, однако, если бы кто, сверхъ всякаго ожиданія, сталъ публично предаваться онанизму, тотъ безъ сомнѣнія, за такой безстыдный свой поступокъ, былъ бы привлеченъ къ суду мировымъ судьею, и подвергся бы неминуемо, при отсутствіи законныхъ причинъ невмѣняемости, отвѣтственности, на основаніи приведенной выше 43 статьи устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Не также ли точно могло бы быть поступлено и съ виновнымъ въ публичномъ проявленіи скотоложства, при отсутствіи конечно законныхъ причинъ невмѣняемости, если бы это послѣднее преступленіе, подобно пороку онанизма, было вовсе исключено изъ уложенія, вопросъ этотъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, очевидно, можетъ быть разрѣшенъ только утвердительно.

(Улож. о Нак. изд. 1866 г. ст. 58, 995, 997, изд. 1845 г. ст. 61, 1293, 1295, изд. 1857 г. ст. 62, 1348, 1350. Проектъ Улож. о Нак. внесен. въ 1844 г. въ Государст. Совѣтъ, изд. 1871 г. примѣч. къ ст. 60, 1876, 1879, св. Зак. уголов. изд. 1832 г. ст. 78, 677, 678, изд. 1842 г. ст. 76, 790, 791. Полн. собр. закон: 17 апрѣля 1863 г. № 39.504, Воинск. уст. 30 марта 1716 г. № 3006, гл. 20, артик. 165, морск. уст. 13 янв. 1720 г. № 3485, кн. 5, гл. 16, ст. 118. Улож. о Нак. изд. 1866 г. ст. 17, 26, 27, 28; Уставъ Уголовн. Судопроизв. ст. 963. Улож. о Нак. изд. 1866 г. ст. 177, 178, 181, 186, 196, 197, 211, 231, 256, 274, 303, 909, 318, 319, 367, 561, 591, 594, 608, 1462, 1551. 1593, 1608, 1609, 1613, 1642, 1645, 1649. Полн. Собр. Зак. 19 февр. 1785 г. № 16.154, 8 янв. 1786 г. № 16.308, 29 янв. 1649 г. № 1, Улож. Царя Алекс. Михайловича. Изслѣд. Нач. Уголовн. права, изложен. въ Улож. Цар. Алекс. Михайл. сочин. Лиховскаго

изд. 1847 г. введеніе. Уст. Угол. Судопр. ст. 405, 685. XIV т. Св. Зак. Уст. о предупр. и пресѣч. преступ. изд. 1857 г. ст. 23—27. Уст. о Нак. налаг. миров. Судьями ст. 43 и дополн. къ ней по продолж. 1872 г. Уст. Угол. Судопр. ст. 112, 353—356. Уст. о Нак. налагаем. миров. судьями, гл. 3, отд. 2. Судеб. Медиц. Громова, изд. 1838 г. стр. 160 § 128 п. 2 § 130. физіол. и патолог. души Маудсли, перев. Исанина, изд. 1871 г. стр. 299, 300. Объ онанизмѣ Тиссо, на француз. яз. изд. 1872 г. стр. 1—87).

§ III.

Послѣ всего вышеизъясненнаго нелишнимъ будетъ, въ видѣ примѣра, привести здѣсь дѣло о скотоложствѣ, разбиравшемся въ Курскомъ Окружномъ Судѣ, дабы показать какъ былъ на практикѣ примѣненъ законъ о скотоложствѣ, и какъ, къ этому противоестественному преступленію, отнеслись присяжные засѣдатели. Въ этомъ дѣлѣ, насколько оно выяснилось изъ заключительной рѣчи предсѣдателя, обвиняемымъ былъ крестьянинъ, старикъ, шестидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, вдовецъ, у него были дѣти, уже взрослые, жилъ онъ безъ нужды, преступленіе совершено въ 1874 году, надъ домашнимъ животнымъ, на огородѣ, внутри плетневаго сарая обвиняемаго. Лишившись жены, обвиняемый, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ предавался постоянно пьянству, половая сфера его не представляла, по удостовѣренію врача, никакого отклоненія отъ нормы. Очевидцами преступленія были крестьянки, въ числѣ четырехъ, изъ которыхъ одна случайно тогда проходила мимо сарая обвиняемаго; увидавъ совершавшееся преступленіе, она тотчасъ сообщила о немъ, еще тремъ крестьянкамъ, тутъ же не вдалекѣ находившимся, послѣ чего, всѣ они вмѣстѣ, помѣстились въ ближайшій, сосѣдній, также плетневый сарай, откуда и смотрѣли на совершавшееся преступленіе, стараясь быть незамѣченными обвиняемымъ, который дѣйствительно и не замѣтилъ ихъ. Изъ этаго дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривается, что животное, служившее средствомъ преступленія, осталось безъ врачебнаго изслѣдованія, и что самъ обвиняемый, хотя и былъ, единственно, въ виду противоестественности преступленія освидѣтельствованъ, въ состояніи его умственныхъ способностей чрезъ врача, но это освидѣтельствованіе было произведено поверхностно, такъ какъ

врачъ, при освидѣтельствованіи, ограничился, лишь тѣмъ, что предложилъ обвиняемому нѣсколько вопросовъ, и изъ одной только послѣдовательности отвѣтовъ на оные, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ, поспѣшно заключилъ, что обвиняемый не одержимъ никакимъ умственнымъ разстройствомъ.

Приведенныя обстоятельства, прежде всего, указываютъ на неполноту дѣла, и дѣйствительно, въ такомъ преступленіи, какъ скотоложство, вѣрнымъ признакомъ совершившагося преступленія, по ученію судебной медицины, можетъ служить единственно нахожденіе сѣмени мужскаго во влагалищѣ матки животнаго, а обнаруженіе присутствія сѣмени въ маткѣ невозможно безъ врачебнаго изслѣдованія животнаго, но такого изслѣдованія не было произведено. Кромѣ того, и самое освидѣтельствованіе умственныхъ способностей обвиняемаго, произведенное, безъ установленія надъ нимъ, предварительнаго, врачебнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго наблюденія, и при участіи лишь одного врача въ настоящемъ дѣлѣ нельзя признать удовлетворительнымъ, ибо совершеніе обвиняемымъ такого противоестественнаго преступленія, какъ скотоложство, могло быть дѣйствительно слѣдствіемъ потери разсудка,—а потеря разсудка въ данномъ случаѣ, могла легко произойти, сколько отъ старости обвиняемаго,—потеря разсудка отъ старости предусмотрѣна въ уложеніи, и поставлена въ числѣ законныхъ причинъ невмѣняемости,—столько и отъ его хроническаго пьянства, которое, согласно ученію психіатріи, составляетъ одну изъ ближайшихъ причинъ разстройства мыслительныхъ центровъ.

Въ виду сего, и для болѣе точнаго удостовѣренія въ состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго, къ нему, по всей справедливости, надлежало бы примѣнить тотъ порядокъ освидѣтельствованія безумныхъ, который установленъ въ статьѣ 355 устава уголовнаго судопроизводства, то есть, его надлежало бы освидѣтельствовать въ присутствіи окружнаго суда, чрезъ инспектора или члена Врачебной Управы и другихъ врачей, по назначенію сей же управы. Кромѣ того, было бы крайне полезно, обвиняемаго помѣстить въ больницу, и установить надъ нимъ тамъ, предварительное, возможно продолжительное, врачебное наблюденіе, такъ какъ безъ сего послѣдняго точное изслѣдованіе болѣзненнаго психическаго состоянія, — когда въ виду врачей имѣются одни предвѣстники умственнаго разстройства, какъ напримѣръ, въ настоящемъ дѣлѣ, извращеніе въ об-

вменяемомъ нравственнаго чувства, и когда о большей или меньшей близости полнаго умственнаго разстройства, надлежитъ судить по предвѣстникамъ онаго,—представлялось бы положительно невозможнымъ, но всего этого не было сдѣлано.

Независимо отъ указанной двоякой, существенной неполноты дѣла, тѣ же приведенныя выше обстоятельства онаго какъ нельзя болѣе убѣдительно доказываютъ, что со стороны обвиняемаго не было обнаружено намѣреннаго посягательства на чистоту общественной нравственности, ибо онъ для совершенія преступленія, избралъ самое уединенное мѣсто, и слѣдовательно совершилъ оное, видимо таясь отъ другихъ, и стараясь быть никѣмъ незамѣченнымъ; но если преступленіе и было на самомъ дѣлѣ содѣяно, какъ оказывается при другихъ, что могло быть можетъ оскорбить нравственное чувство присутствовавшихъ и произвести между ними соблазнъ,—то произошло это, во всякомъ случаѣ, безъ вѣдома и помимо воли обвиняемаго, который присутствія постороннихъ лицъ даже и не замѣтилъ, а тамъ, гдѣ тайное проявленіе скотоложства сдѣлалось явнымъ лишь по обстоятельствамъ, совершенно случайнымъ, и слѣдовательно, не по винѣ обвиняемаго. очевидно не можетъ быть и рѣчи о возбужденіи противъ него уголовнаго преслѣдованія, такъ какъ преступленіе скотоложства, по уложенію, какъ выше замѣчено, признается наказуемымъ только тогда, когда оно по намѣренію самого обвиняемаго, проявлялось явно, въ публичномъ мѣстѣ, или хотя и не въ публичномъ мѣстѣ, то по крайней мѣрѣ, завѣдомо, въ присутствіи другихъ.

Не смотря однако на неполноту дѣла и отсутствіе въ преступленіи признака публичности, обвиняемый былъ преданъ уголовному суду; присяжные же засѣдатели, съ своей стороны, вынесли оправдательный приговоръ, который въ данномъ случаѣ, быть можетъ послѣдовалъ, или потому, что фактъ преступленія былъ признанъ недоказаннымъ, или потому что въ преступленіи, не усматривалось признака публичности, наказуемость обусловливающаго, или потому, что содѣянное не было вмѣнено въ вину, или наконецъ потому, что присяжные, слѣдуя внушенію своей совѣсти, не рѣшились произнести обвинительнаго приговора, единственно въ виду чрезмѣрной тяжести наказанія, которое легко могло быть имъ извѣстно, если принять во вниманіе, что невѣдѣніемъ закона, какого бы то ни было, когда онъ установленнымъ порядкомъ обнародованъ, никто отговариваться

не можетъ, чѣмъ же, на самомъ дѣлѣ, руководствовались присяжные, оправдывая обвиняемаго, того само собою разумѣется, никому не можетъ быть съ точностію извѣстно, такъ какъ совѣщанія присяжныхъ засѣдателей составляютъ тайну, но что оправдательный приговоръ присяжныхъ, во всякомъ случаѣ, согласуется съ обстоятельствами дѣла, въ томъ, очевидно не можетъ быть никакого сомнѣнія, и того конечно никто не станетъ отрицать. Впрочемъ, по дѣламъ о скотоложствѣ, въ Курскомъ же окружномъ судѣ, правда при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ, постановлялись и обвинительные приговоры, со всѣми тяжкими оныхъ послѣдствіями.

(Судебн. медиц. Громова изд. 1838 г. стр. 160, 161, §§ 128, 130. Объ изслѣд. умопомѣш. Лорана, изд. медиц. депар. 1869 г. Заключеніе, стр. 203. Также судеб. медиц. Громова, стр. 132, 133, §§ 91, 92. Очеркъ судебн. психол. Фрезе изд. 1871 г. стр. 164, 165, § 250. Улож. о нак. изд. 1866 г. ст. 97. Физіол. и патол. души Маудсли, перев. Исанина, изд. 1871 г. стр. 274, 275. О душевн. болѣзн. Пушкарева, изд. 1848 г. стр. 207—227. Уст. уг. судопр. ст. 677. Основн. государств. законы, ст. 62.)

§ IV.

Въ заключеніе необходимо привести здѣсь указы, о коихъ упоминалось выше. Въ этихъ поистинѣ замѣчательныхъ указахъ, содержится слѣдующее: I) «юстицъ-коллегія лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, доношеніемъ представила, что Рижскій земскій судъ, разсматривая криминальное дѣло о нейволфаркскомъ крестьянскомъ мальчикѣ, именуемомъ Банце-Каспарѣ, въ учиненномъ имъ скотоложствѣ, приговорилъ сего преступника казнить отсѣченіемъ головы и сожженіемъ тѣла его въ пепелъ, а Лифляндскій надворный судъ, не находя, чтобы сей виновный былъ совершенныхъ лѣтъ, присуждаетъ вмѣсто смертной казни высѣчь только по тремъ воскреснымъ днямъ десятью парами прутьевъ, и предавъ церковному покаянію однажды, отослать въ публичную работу на годъ. По каковому обстоятельству, юстицъ-коллегія, будучи согласна съ положеніемъ Лифляндскаго надворнаго суда и предавая на разсмотрѣніе Сената, просила указа, къ какому онаго преступника осудить наказанію. А какъ изъ онаго юстицъ-коллегіи представленія Сенатъ усматриваетъ, что оный нейволфаркскій крестьянскій сынъ, будучи

еще несовершенныхъ лѣтъ, не имѣлъ никакого наставленія въ христіанскомъ законѣ, а потому не имѣлъ никакого понятія о важности содѣяннаго имъ грѣхопаденія, ктомужъ, можетъ быть, и самое таковое непмовѣрное преступленіе по какому либо устращиванію взвелъ самъ на себя, что слѣдовательно и причесть должно ему болѣе въ глупость, нежели принимать во уваженіе: то потому Сенатъ разсуждаетъ, что онъ столь жестокаго наказанія, къ какому онъ вышесказанными присутственными мѣстами осуждается, въ разсужденіи младыхъ его лѣтъ, не заслуживаетъ, но подлежитъ только предварительно наставленію въ христіанскомъ законѣ и церковному покаянію.» Представляя о семъ крестьянскомъ сынѣ на Высочайшее благоусмотрѣніе, Сенатъ просилъ въ разрѣшеніе Всемилостивѣйшаго указа; на что послѣдовала Высочайшая Государыни Императрицы Екатерины II, слѣдующая резолюція: «предать рѣшенію совѣстнаго суда.» II. Прошлаго 1785 года іюля 19 дня, Рижское намѣстническое правленіе Сенату представило, что именнымъ указомъ отъ 19 февраля 1785 года, Всемилостивѣйше повелѣно, чтобъ содержащагося преступника, приличившагося въ скотоложствѣ нейвольфаркскаго крестьянина, именуемаго Бапце Каспарѣ, предать рѣшенію совѣстнаго суда. Поелику въ Рижской губерніи и нынѣ случаются иногда подобныя вышепоказанному дѣла, кои производятся въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ уголовнымъ порядкомъ, то по взносѣ оныхъ на ревизію въ палату уголовнаго суда, таковые преступники, по строгости шведскихъ законовъ, приговариваются къ тяжкому наказанію. А какъ грѣхопаденія сего рода съ преступленіемъ смертнаго убійства и съ прочими нарушающими тишину и безопасность согражданъ, сравнить не можно, то не повелѣно ли будетъ сихъ преступниковъ, яко такихъ, кои по стеченію различныхъ обстоятельствъ впали въ прегрѣшенія, судьбу ихъ отягощающія выше мѣръ ими содѣяннаго, отсылать всѣхъ вообще въ совѣстный судъ. Сіе мнѣніе Рижскаго намѣстническаго правленія, и прочія палаты того намѣстничества, по предписанію Сената, приглашены будучи, для общаго о томъ разсужденія, согласіемъ своимъ подтвердили, изъясняя въ общемъ своемъ разсужденіи, что тамошніе законы и шведское земское уложеніе, въ согласіе Моисеева закона, за вышепоказанное преступленіе налагаютъ казнь, отсѣчь голову преступнику и тѣло его сжечь въ срубѣ, а по отложеніи въ имперіи смертной казни, таковые преступники наказываются

тамъ, въ три воскресные сряду дни при церкви, каждый разъ десятью парами розогъ, отдаются на церковное покаяніе, и потомъ ссылаются вѣчно въ публичную крѣпостную или гаванную работу. Но поелику нѣтъ никакого въ томъ сомнѣнія, что сей родъ прегрѣшенія чинится не изъ злости, или какого либо вреднаго и умышленнаго стремленія на безопасность человѣческаго общества, но единственно изъ крайняго и грубаго невѣжества, то таковые злосчастные люди казалось бы и не должны нести такое жъ тяжкое наказаніе, каковому подлежать должны умышленные убійцы, разбойники и другіе преступники, нарушающіе злодѣйствомъ своимъ тишину и безопасность своихъ согражданъ и государства. Съ симъ общимъ Рижскаго намѣстническаго правленія и палатъ разсужденіемъ согласился и правящій должность губернскаго прокурора, губернскій стряпчій. Одинъ только предсѣдатель палаты уголовнаго суда, разсуждаетъ тому противно, полагая мнѣніемъ, чтобы прежняго наказанія за таковыя прегрѣшенія не отмѣнять и не облегчать, дабы чрезъ нѣкое облегченіе казни не открывался путь къ оному ненатуральному пороку. Сенатъ, уважая настоящій случай, гдѣ человѣчество, погруженное въ сущее невѣжество, страждетъ единственно отъ непреложной строгости прежнихъ наказаній, и по вышеизъясненнымъ толь убѣдительнымъ резонамъ, не могши не согласиться съ онымъ мнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что опыты нѣсколькихъ вѣковъ доказываютъ, что преступленія всегда возрастали по мѣрѣ усиливавшихся наказаній,—за долгъ поставилъ себѣ препоручить страждущій жребій впадающихъ въ подобныя прегрѣшенія, законоположенію, начертанному о должности совѣстнаго суда. Почему Сенатъ полагаетъ, согласно съ мнѣніемъ Рижскаго намѣстническаго правленія и палатъ, всѣхъ впадающихъ въ подобныя прегрѣшенія предавать сужденію совѣстнаго суда, который бы судилъ объ оныхъ со всевозможною осторожностію и милосердною кротостію, уважая въ семъ случаѣ главнѣйше то, что сего рода преступленіями не токмо судьба впадающихъ въ оныя отягощается сверхъ мѣры ими содѣяннаго, но при таковыхъ случаяхъ послѣдующее крайнее забвеніе самого себя, превышаетъ почти всякій родъ безумія, а посему самому таковыя глупости, вкрадывающіяся иногда въ непросвѣщенное человѣчество и будучи сопряжены съ крайнимъ невѣдѣніемъ собственнаго своего существа, подлежатъ, по мнѣнію Сената разбору и рѣшенію совѣстнаго суда.» Однако Государыня Императрица Ека-

терина II, съ симъ мнѣніемъ Правительствующаго Сената не согласилась, какъ это видно изъ послѣдовавшей на представленіе Сената резолюціи ея, въ которой сказано, что вообще повелѣнія на отсылку въ совѣстный судъ дѣлъ о приличающихся въ скотоложствѣ дать не можно, для того, что къ разбору и рѣшенію совѣстнаго суда принадлежатъ дѣла, касающіяся до таковыхъ преступниковъ, кои иногда болѣе по несчастливому какому ни есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ впали въ прегрѣшенія, судьбу ихъ отягощающія выше мѣръ ими содѣяннаго, также преступленія, учиненныя безумнымъ или малолѣтнимъ, и дѣла колдуновъ или колдовства, слѣдственно, если малолѣтніе въ скотоложствѣ приличены явятся, таковые конечно подлежатъ разбору и рѣшенію совѣстнаго суда, но совершеннолѣтніе, обличившіеся въ семъ родѣ преступленія, должны судимы быть по государственнымъ законамъ.»

Надобно замѣтить, что совѣстный судъ, нынѣ уже упраздненный, учрежденъ въ 1775 году Государынею же императрицею Екатериною II. Вѣдомству сего суда подлежали: «преступленія, учиненныя безумными, малолѣтними и несовершеннолѣтними; дѣла колдуновъ и колдовства, поелику въ оныхъ заключается глупость, обманъ и невѣжество; дѣла объ оскорбленіи дѣтьми правъ родительскихъ, и дѣла, касающіяся до преступниковъ, кои иногда болѣе по несчастному какому либо приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, впали въ преступленія, судьбу ихъ отягощающія выше мѣръ преступленія, ими содѣяннаго.» Кромѣ того, о совѣстномъ судѣ, въ учрежденіи онаго, сказано, что совѣстный судъ вообще судитъ на основаніи общихъ законовъ, но какъ судъ сей установленъ быть оградою частной безопасности и ввѣренъ ему совѣстный разборъ и милосердное окончаніе дѣлъ, то посему правила совѣстнаго суда, во всѣхъ случаяхъ должны быть: *человѣколюбіе вообще, почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку, отвращеніе отъ угнетенія или притѣсненія человѣчества.* Въ виду сего и послѣ приведенныхъ въ указахъ соображеній, мысль Правительствующаго Сената, о томъ, чтобы обличенные въ скотоложствѣ, не только малые, но и взрослые, судились въ совѣстномъ судѣ, представляется естественною и вполнѣ понятною. Но то, чему не было суждено осуществиться въ 1786 году, не смотря на искреннее желаніе Правительствующаго Сената, то есть, чтобы обличен-

ные въ скотоложствѣ, всѣ безъ изъятія, какъ малые такъ и взрослые судились судомъ совѣсти, осуществилось самою собою, силою обстоятельствъ, со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, такъ какъ сими уставами, *въ основаніе коихъ въ существѣ положены тѣже, преподанныя въ руководство совѣстному суду, правила*, учрежденъ одинъ общій судъ, судъ присяжныхъ, который опредѣляетъ вину или невинность подсудимаго, неиначе какъ по внушенію совѣсти, и кому подвѣдомственны, безъ всякаго уже различія въ возрастѣ подсудимаго, дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, за которые въ законѣ вообще, опредѣлены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, къ числу каковыхъ дѣлъ, относятся и дѣла о скотоложствѣ. Теперь остается только надѣяться, что, при предстоящемъ подробномъ и коренномъ пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ, изданія 1866 года, скотоложство со степени тяжкаго уголовнаго преступленія будетъ низведено на степень проступка, подлежащаго вѣдомству мировыхъ судей.

(Св. зак. угол. изд. 1832 г. кн. 2, ст. 1343, 1346; изд. 1842 г. кн. 2, ст. 1581, 1585. Полн. собр. закон. 7 нояб. 1775 г. № 14392, гл. XXVI, ст. 395—403. Суд. уст. 20 нояб. 1864 г. учрежд. суд. уст. ст. 7, уст. угол. судопр. ст. 33, 200, 201, 766, 804.)

Н. М. Пузановъ.

Дозволено цензурой. Москва, 2-го ноября 1876 г.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ.

2007059730